

20

— Известно, что песню «Эй, Джуд» вы написали, думая о сыне Джона Леннона — Джулиане. Джуд звучнее, чем Джуль. Больше ничего об этой песне не скажете?

— Один парень решил, что «Джуд» значило у меня «Джу», еврей. И, соответственно, «Джуден раус» — «Евреи, вон!» я как-то написал на витрине магазина нашей студии «Эппл» название этой песни — в рекламных, так сказать, целях. А на следующий день в мой офис позвонил парень из еврейского рестораника и сказал: «Если бы здесь были мои сыновья, я бы их прислал убить тебя! Зачем ты издаешься над еврейским именем? Ты что, хочешь нацизм возродить?»

— В вашем фильме «Вечер трудного дня» у каждого «битла» свой образ: Джон — мыслитель, Ринго — одиночка, Пол — веселый повеса. Вы не возражали против такого «расклада»?

— Не-а! Это же кино. Если режиссер считает, что в фильме я должен быть веселчаком — о'кей, давайте. Впрочем, в жизни, пожалуй, я тоже больше, чем остальные, подходил к этой роли. Среди «битлов» меня всегда знали как человека, который усадит журналистов вокруг, предложит кофе, постарается, чтобы они чувствовали себя поудобнее. Мне же тоже хочется, чтобы вышла симпатичная статья. Да и вообще, в моих правилах обращаться с людьми как с людьми. Зачем к ним придираюсь?

— Как вы в таком случае относились к резким выпадам Джона Леннона в ваш адрес?

— И я, и Джон знали, что их большая часть делалась ради газетчиков. Он просто был в таком настроении и хотел сказать то, что сказал. Я-то знаю, что он на самом деле не думал обо мне то, что говорил в интервью. Бывало, мне звонят из газеты и с издевкой говорят: «А знаете, что про вас Джон еще сказал?» И ждут, что я отвечу тем же. Но я не из тех людей, которые «око за око...».

Конечно, я ненавидел читать некоторые его высказывания обо мне. Я сидел и чуть не плакал над каждым абзацем, каждым предложением. «Неужели он и вправду думает это обо мне?» И, кстати, тогда я думал: да, ведь это же я! Именно такая тряпка я и есть. Я — ничто, ничего не значу. Но люди помогли. Линда помогла, она говорила мне: «Ну ты же знаешь, что это не о тебе. Ты не такой. Просто парню плохо, и это у него пройдет...» И я подумал:

Пол Маккартни:

комс. прав. 694. — 1992 — 89969

Я и моя жена — это очень замечательно!

Публикация в прошлом субботнем выпуске «КП» интервью с Полом Маккартни вызвала большой отклик у наших читателей. Оказывается, «жуки», покоровшие мир, и ныне пользуются невиданной популярностью. Поэтому мы и решили подготовить этот материал, в котором собраны отрывки из уникальной книги П. Гамбачинни «Маккартни: своими словами», наиболее интересные места из некоторых интервью Пола английским газетам двадцатилетней давности и его ответы нашему корреспонденту.

действительно, это не обо мне. Я пишу не только «слащавые баллады». Но сначала, конечно, мне было ужасно больно...

— Расскажите о том, как и почему вы после раскола «Битлз» подали на своих товарищей в суд?

— Я подал в суд не на товарищей, а на Аллана Клейна, последнего нашего менеджера. Этот нечестный и корыстный человек стремился выжать из «Битлз» как можно больше денег. Артисты для него — это прежде всего деньги, и я это вовремя понял. Я горел желанием проучить его, поставить его на место. Но оказалось, я не мог судиться с ним одним как с частным лицом. Если я хотел «доказать» его, я должен был подавать в суд на всю компанию «Эппл», то есть и на троих моих друзей. Два месяца я колебался и просил ребят «отпустить меня просто так». Я правильно сделал, что в конце концов поступил как поступил. По крайней мере утер Клейну нос.

— Как вы познакомились с Линдой?

— Мы впервые увидели друг друга в клубе «Бэг О'Нэйлз» в Лондоне, куда пришли посидеть вместе со своими компаниями. Играла шикарная музыка, и мы получили истинное удовольствие. Между делом стали вроде как делать друг другу глазки. Но только через год я первый раз понял, что хочу на ней жениться. Мы, правда, оба тогда считали, что это сумасшедшая идея, но в то же время она нам чертовски понравилась. Линда, впрочем, говорила, что не совсем готова еще к «оседлой» жизни, думала, что супружество разрушает прелесть отношений. Но мы оба достаточно друг другу нравились, чтобы пожениться. И сейчас, конечно, мы рады, что сделали это. Это здорово. Очень замечательно!

— Мик Джеггер как-то заметил, что не стал бы пускаться...

— ...свою старушку в свою команду. Что ж, особенно в первое время такое отноше-

ние к Линде было вполне объяснимо. Для большинства она была просто невестой откуда появившейся девчонкой. А для меня она в то время была самой большой подмогой в работе над альбомами, честное слово.

Знаете, это как, когда ты всю жизнь пишешь тысячи песен о любви, затем вдруг влюбляешься и тебе хочется написать лишь одну для любимого человека. Так что все произошло просто: «Слушайте, мне все равно, что вы об этом подумаете, а я думаю так: я беру ее к себе, в том числе и к себе в группу!»

— Слыша название группы «Уингз», думаешь про себя: «А, это та самая, с Полом Маккартни».

— Если бы я мог сделать так, чтобы все знали «Уингз» и отмечали «Да, гитарист у них Маккартни», я бы, не задумываясь, так и сделал. Но такое вряд ли возможно, поэтому я бы на месте людей не стал бы заострять внимание на том, что человек номер один в группе — я. Да, это так, мы все это понимаем, но никто по этому поводу не комплексует. Возьмите Джеггера и «Стоунз». Мик — явно номер один, но ведь это не мешало им стать легендарной группой?

— Почему вы в свое время выступали против вступления Британии в Общий рынок?

— Знаете, что мне больше всего не нравится в этой затее? Что мили превращаются в километры!

— Вы когда-нибудь побивали собственные рекорды?

— Во время последнего мирового турне мы пели ночью в Рио-де-Жанейро перед 184-тысячной аудиторией. Это был новый мировой рекорд посещаемости концерта. Мой менеджер после концерта как-то снова приехал в Бразилию, и у него спросили, приедем ли мы еще. «Поверьте, в Сан-Пауло соберется еще больше народу!». Так что мне очень нравится путешествовать по миру и побивать собственные рекорды.

Интервью редактировал
Ст. КУЧЕР.

22